

10 класс

Задание 1. Аналитическое задание. Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (либо стихотворного, либо прозаического).

Выполняя целостный анализ стихотворения, подумайте, какую литературную традицию продолжает предложенный текст; какой художественный приём лежит в основе его композиции; какова субъектная структура стихотворения; каковы особенности его ритмической и звуковой организации (строфика, рифмовка, звукопись) и как эти особенности связаны с содержанием произведения. Как бы Вы озаглавили стихотворение и почему? Ответ обоснуйте.

Я завожусь на тридцать лет,
Чтоб жить, мучительно дробя
Лучи от призрачных планет
На «да» и «нет», на «ах!» и «бя»,
Чтоб жить, волнуясь и скорбя
Над тем, чего, гляди, и нет...
И был бы, верно, я поэт,
Когда бы выдумал себя,
В работе ль там не без прорух,
Иль в механизме есть подвох,
Но был бы мой свободный дух —
Теперь не дух, я был бы бог...
Когда б не пиль да не тубо,
Да не тю-тю после бо-бо!..

Выполняя целостный анализ стихотворения в прозе И. С. Тургенева, обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы: жанровое своеобразие, символические детали, особенности сюжета, роль контекста в произведении.

Милостыня

Вблизи большого города, по широкой проезжей дороге шел старый, больной человек. Он шатался на ходу; его исхудалые ноги, путаясь, волочась и спотыкаясь, ступали тяжело и слабо, словно чужие; одежда на нем висела лохмотьями; непокрытая голова падала на грудь... Он изнемогал.

Он присел на придорожный камень, наклонился вперед, облокотился, закрыл лицо обеими руками — и сквозь искривленные пальцы закапали слезы на сухую, седую пыль.

Он вспоминал...

Вспоминал он, как и он был некогда здоров и богат — и как он здоровье истратил, а богатство роздал другим, друзьям и недругам... И вот теперь у него нет куска хлеба — и все его покинули, друзья еще раньше врагов... Неужели ж ему унизиться до того, чтобы просить милостыню? И горько ему было на сердце и стыдно.

А слезы всё капали да капали, пестря седую пыль.

Вдруг он услышал, что кто-то зовет его по имени; он поднял усталую голову — и увидел перед собою незнакомца.

Лицо спокойное и важное, но не строгое; глаза не лучистые, а светлые; взор пронзительный, но не злой.

— Ты всё свое богатство роздал, — слышался ровный голос... — Но ведь ты не жалеешь о том, что добро делал?

— Не жалею, — ответил со вздохом старик, — только вот умираю я теперь.

— И не было бы на свете нищих, которые к тебе протягивали руку, — продолжал незнакомец, — не над кем было бы тебе показать свою добродетель, не мог бы ты упражняться в ней?

Старик ничего не ответил — и задумался.

— Так и ты теперь не гордись, бедняк, — заговорил опять незнакомец, — ступай, протягивай руку, доставь и ты другим добрым людям возможность показать на деле, что они добры.

Старик встрепенулся, вскинул глазами... но незнакомец уже исчез; а вдали на дороге показался прохожий.

Старик подошел к нему — и протянул руку. Этот прохожий отвернулся с суровым видом и не дал ничего.

Но за ним шел другой — и тот подал старику малую милостыню.

И старик купил себе на данные гроши хлеба — и сладок показался ему выпрошенный кусок — и не было стыда у него на сердце, а напротив: его осенила тихая радость.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание 2. Творческое задание. Прочитайте рассказ Н. Тэффи «Мой первый Толстой».

Я помню. Мне девять лет.

Я читаю «Детство и отрочество» Толстого. Читаю и перечитываю.

В этой книге все для меня родное.

Володя, Николенька, Любочка — все они живут вместе со мною, все они так похожи на меня, на моих сестер и братьев. И дом их в Москве у бабушки — это наш московский дом, и когда я читаю о гостиной, диванной или классной комнате, мне и воображать ничего не надо — это все наши комнаты.

Наталья Саввишна — я ее тоже хорошо знаю — это наша старуха Авдотья Матвеевна, бывшая бабушкина крепостная. У нее тоже сундук с наклеенными на крышке картинками.

Только она не такая добрая, как Наталья Саввишна. Она ворчунья. Про нее старший брат даже декламировал: «И ничего во всей природе благословить он не хотел».

Но все-таки сходство так велико, что, читая строки о Наталье Саввишне, я все время ясно вижу фигуру Авдотьи Матвеевны.

Все свои, все родные.

И даже бабушка, смотрящая вопросительно строгими глазами из-под рюша своего чепца, и флакон с одеколоном на столике у ее кресла, — это все такое же, все родное.

Чужой только гувернер St-Jerome, и я ненавижу его вместе с Николенькой. Да как ненавижу! Дольше и сильнее, кажется, чем он сам, потому что он в конце концов помирился и простил, а я так и продолжала всю жизнь.

«Детство и отрочество» вошло в мое детство и отрочество и слилось с ним органически, точно я не читала, а просто прожила его.

Но в историю моей души, в первый расцвет ее красной стрелой вонзилось другое произведение Толстого — «Война и мир».

Я помню.

Мне тринадцать лет.

Каждый вечер, в ущерб заданным урокам я читаю и перечитываю все одну и ту же книгу — «Война и мир».

Я влюблена в князя Андрея Болконского. Я ненавижу Наташу, во-первых, оттого, что ревную, во-вторых, оттого, что она ему изменила.

— Знаешь, — говорю я сестре, — Толстой, по-моему, неправильно про нее написал. Не могла она никому нравиться. Посуди сама — коса у нее была «негустая и недлинная», губы распухшие. Нет, по-моему, она совсем не могла нравиться. А жениться он на ней собрался просто из жалости.

Потом, еще мне не нравилось, зачем князь Андрей визжал, когда сердился. Я считала, что Толстой это тоже неправильно написал. Я знала наверное, что князь не визжал.

Каждый вечер я читала «Войну и мир».

Мучительны были те часы, когда я подходила к смерти князя Андрея.

Мне кажется, что я всегда немножко надеялась на чудо. Должно быть, надеялась, потому что каждый раз то же отчаяние охватывало меня, когда он умирал.

Ночью, лежа в постели, я спасала его. Я заставляла его броситься на землю вместе с другими, когда разрывалась граната. Отчего ни один солдат не мог догадаться толкнуть его? Я бы догадалась, я бы толкнула.

Потом посылала к нему всех лучших современных врачей и хирургов.

Каждую неделю читала я, как он умирает, и надеялась, и верила чуду, что, может быть, на этот раз он не умрет.

Нет. Умер! Умер!

Живой человек один раз умирает, а этот вечно, вечно.

И стонало сердце мое, и не могла я готовить уроков. А утром... Сами знаете, что бывает утром с человеком, который не приготовил урока!

И вот наконец я додумалась. Решила идти к Толстому, просить, чтобы он спас князя Андрея. Пусть даже женит его на Наташе, даже на это иду, даже на это! — только бы не умирал!

Спросила гувернантку — может ли автор изменить что-нибудь в уже напечатанном произведении. Та ответила, что как будто может, что авторы иногда для нового издания делают исправления.

Посоветовалась с сестрой. Та сказала, что к писателю нужно идти непременно с его карточкой и просить подписать, иначе он и разговаривать не станет, да и вообще с несовершеннолетними они не говорят.

Было очень жутко.

Исподволь узнавала, где Толстой живет. Говорили разное — то, что в Хамовниках, то, что будто уехал из Москвы, то, что на днях уезжает.

Купила портрет. Стала обдумывать, что скажу. Боялась — не заплакать бы. От домашних свое намерение скрывала — осмеют.

Наконец решилась. Приехали какие-то родственники, в доме поднялась суетня — время удобное. Я сказала старой няньке, чтобы она проводила меня «к подруге за уроками», и пошла.

Толстой был дома. Те несколько минут, которые пришлось прождать в передней, были слишком коротки, чтобы я успела удрать, да и перед нянькой было неловко.

Помню, мимо меня прошла полная барышня, что-то напевая. Это меня окончательно смутило. Идет так просто, да еще напевает и не боится. Я думала, что в доме Толстого все ходят на цыпочках и говорят шепотом.

Наконец — он. Он был меньше ростом, чем я ждала. Посмотрел на няньку, на меня. Я протянула карточку и, выговаривая от страха «л» вместо «р», пролепетала:

— Вот, плосили фотоглафию подписать.

Он сейчас же взял ее у меня из рук и ушел в другую комнату.

Тут я поняла, что ни о чем просить не смогу, ничего рассказать не посмею, и что так осырамилась, погибла навеки в его глазах, со своим «плосили» и «фотоглафией», что дал бы только Бог убраться подобру-поздорову.

Он вернулся, отдал карточку. Я сделала реверанс.

— А вам, старушка, что? — спросил он у няньки.

— Ничего, я с барышней. Вот и все.

Вспоминала в постели «плосили» и «фотоглафии» и поплакала в подушку.

В классе у меня была соперница, Юленька Аршева. Она тоже была влюблена в князя Андрея, но так бурно, что об этом знал весь класс. Она тоже ругала Наташу Ростову и тоже не верила, чтобы князь визжал.

Я свое чувство тщательно скрывала и, когда Аршева начинала буйствовать, старалась держаться подальше и не слушать, чтобы не выдать себя.

И вот раз за уроком словесности, разбирая какие-то литературные типы, учитель упомянул о князе Болконском. Весь класс, как один человек, повернулся к Аршевой. Она сидела красная, напряженно улыбающаяся, и уши у нее так налились кровью, что даже раздулись.

Их имена были связаны, их роман отмечен насмешкой, любопытством, осуждением, интересом — всем тем отношением, которым всегда реагирует общество на каждый роман.

А я, одинокая, с моим тайным «незаконным» чувством, одна не улыбалась, не приветствовала и даже не смела смотреть на Аршеву.

Вечером села читать о его смерти. Читала и уже не надеялась, и не верила в чудо.

Прочла с тоской и страданием, но не возроптала. Опустила голову покорно, поцеловала книгу и закрыла ее.

— Была жизнь, изжилась и кончилась.

Вопросы:

1. В чём заключается идейно-тематическое содержание рассказа? Что помогло главной героине принять смерть Андрея Болконского? Почему главная героиня не смогла попросить Льва Толстого переписать судьбу князя Андрея? Смогли бы Вы пойти к Л. Толстому? Если да, то зачем: за автографом или с просьбой изменить что-то в романе «Война и мир»?
2. Напишите портретный очерк о герое (героине) литературного произведения, судьбу которого (которой) Вы хотели бы переписать.